

А. Г. Асмолов

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
И УРОВНИ УСТАНОВОК

Жизненность научной теории во многом определяется тем, приводит ли внутренняя логика развития этой теории как к постановке ранее неизвестных проблем, так и к рождению нового взгляда на традиционные вопросы той или иной области научного знания. Этому условию отвечает общепсихологическая теория деятельности [13]. Ее последовательное развитие приводит к постановке все новых и новых вопросов, одним из которых является вопрос о месте и функции многообразных установочных явлений в структуре предметной деятельности. Этот вопрос с необходимостью встает при изучении психологии деятельности, как только мы переходим от статического рассмотрения деятельности к анализу ее динамики [5] и пытаемся понять причину относительной устойчивости, стабильности деятельности в непрерывно изменяющейся среде. Предположение о существовании моментов, стабилизирующих процессы деятельности, как неотъемлемом условии ее развития и реализации вытекает из представлений о деятельности как об особой форме движения. Если рассматривать предметную деятельность как одну из форм движения, то вполне естественно допустить, что в диалектике деятельности, как и в диалектике любого движения вообще, всегда присутствует тенденция к сохранению отдельной ее направленности, возникающая в самом процессе деятельности. «Стабилизаторы» деятельности и находят свое выражение в тенденции к сохранению движения в определенном направлении, в своеобразной «инерции» деятельности. Без них деятельность не могла бы существовать как самостоятельная система, способная сохранять устойчивое направленное движение и противостоять потоку сбивающих ее воздействий. До столкновения разворачивающейся деятельности с тем или иным препятствием стабилизирующие моменты этого движения внешне никак не проявляют себя, непрерывно «цементируя» процесс деятельности, фиксируя его направленность. Но стоит какому-либо препятствию вырасти на пути движения деятельности, как тенденция к сохранению направленности движения тотчас дает о себе знать. Различные по природе проявления этой тенденции встречаются буквально на каждом шагу. Приведем некоторые из них. Бегун, столкнувшись с неожиданным препятствием, при попытке остановиться, падает или резко наклоняется вперед. Человек, читающий текст, набранный латинским шрифтом, прочитывает слово «*ченуха*» как «*реникса*». Легендарный царь Крёз, не ведающий поражений, воспринимает двусмысленное высказывание дельфийского оракула «Если будет перейдена река Галис, то рухнет могучее царство» соответственно своим ожиданиям и нападает на персов. Его войска переходят реку и мо-

гучее царство действительно гибнет, только им оказывается... царство самого Крёза. Физик, мышление которого сформировалось в прошлом столетии, отказывается принять теорию относительности А. Эйнштейна, резко противоречащую усвоенным им представлениям о времени и пространстве. Чеховский герой, оберегая свой душевный покой, слово отталкивает от себя представление о существовании пятен на солнце, заявляя, что «этого не может быть, потому что этого не может быть никогда».

Из всех этих примеров явственно следует, что тенденция к сохранению движения, присущая самым различным формам движения, всегда имеет две стороны. С одной стороны, она является обязательным моментом процесса деятельности, обеспечивающим его стабильность. С другой стороны, тенденция к сохранению направленности движения проявляется в том, что субъект деятельности становится «слепым» по отношению к разнообразным воздействиям, не укладывающимся в русло этой тенденции. С большой выразительностью подобного рода последствия существования тенденции к сохранению направленности движения в поведении человека были переданы А. А. Ухтомским: «Бесценные вещи и бесценные области реального бытия проходят мимо наших ушей и наших глаз, если не подготовлены уши, чтобы слышать, и не подготовлены глаза, чтобы видеть, т. е. если наша деятельность и поведение направлены в другие стороны» [22, с. 254]. Однако между абстрактным положением, констатирующим наличие подобной тенденции в процессе деятельности, и конкретно-психологическим исследованием механизмов, обеспечивающих стабильность деятельности, лежит целая пропасть. Для того чтобы через эту пропасть перебросить мост, следует рассмотреть то, как представления о тенденции к сохранению направленности деятельности преломились в психологии, в каких фактах и понятиях проявления этой тенденции предстали перед исследователями (см. [2]). В психологии наиболее адекватное и устоявшееся описание тенденции к сохранению направленности деятельности или готовности действовать в определенном направлении выражено в термине «установка» и его аналогах. Поэтому в психологическом исследовании вопрос о природе стабилизаторов деятельности и выступает в виде задачи о месте и функции установочных явлений в структуре деятельности.

Проделанный нами с позиций общепсихологической теории деятельности (А. Н. Леонтьев) анализ проблемы взаимоотношений между деятельностью и установкой в работах классика отечественной психологии Д. Н. Узнадзе и его школы позволил выделить положения о существовании различных форм установок и о связи этих форм с объективными факторами ситуации деятельности, обуславливающими отдельные структурные моменты деятельности и вызывающими различные по своей природе установки. Последовательное развертывание этих положений приводит к преобразованию общей задачи исследования и постановке ее в более конкретной форме в виде ряда вопросов: что собой представляют те объективные факторы, которые вызывают различные установки;

каковы те структурные моменты деятельности, в которых проявляются различные установки;

каково то содержание, которое разные формы установок выражают в различных структурных моментах деятельности;

какие специфические особенности приобретают различные формы установок в зависимости от их места в структуре деятельности и какие функции в регуляции деятельности они выполняют? [1, 3].

Рассмотрение психологического строения деятельности дало возможность с достаточной определенностью обозначить объективные факторы, обуславливающие единицы деятельности и единицы сознания, и, тем самым, ответить на вопросы об объективных факторах, вызывающих различные установки, о единицах деятельности, в которых проявляются эти установки, и о том содержании, которое разные установки выражают в деятельности. Объективными факторами ситуации деятельности являются мотив (предмет потребности), цель (осознаваемый, предвидимый результат) и условия осуществления действия. В теории деятельности структурные моменты деятельности получают, как известно, свою специфическую характеристику при соотношении их с мотивами, целями и условиями осуществления действия: процесс, рассмотренный со стороны мотива, получает свою специфическую характеристику в качестве особенной деятельности, со стороны цели — в качестве действия, со стороны условий осуществления действия — в качестве операции (способа осуществления действия). Четвертым моментом психологического строения деятельности являются «исполнительные» психофизиологические механизмы — реализаторы действий и операций. Деятельность, действие и операция иерархически связаны между собой. В плане сознания А. Н. Леонтьев выделяет такие единицы сознания, как значение, личностный смысл и чувственную ткань. Остановимся вкратце только на двух первых единицах. Общественно выработанные значения усваиваются в ходе деятельности и становятся достоянием индивидуального сознания в виде обобщенного отражения действительности. Содержание значений может быть зафиксировано в форме понятий, знаний, обобщенных образов действия, предметных и социальных норм, ценностей и т. д. Личностный смысл открывается при исследовании мотивационного аспекта деятельности и отражает в сознании отношение человека к миру со стороны жизненного значения знаний, обобщенных образов действия, предметных и социальных норм для самого индивида, а не только со стороны объективного значения этих знаний. Отражая в сознании человека отношение к миру в форме «значение для меня», личностный смысл определяет пристрастность сознания.

Включение установок в контекст деятельности через соотношение их с объективными факторами деятельности (мотив, цель и условия осуществления деятельности) и иерархически связанными структурными моментами деятельности (деятельность, действие, операция, психофизиологические реализаторы деятельности) позволяет выдвинуть гипотезу об иерархической уровневой природе установки как механизма стабилизации деятельности. Различные формы установок образуют иерархическую уровневую структуру. Содержание установок каждого уровня зависит от того, какое место занимает обуславливающий эти установки объективный фактор в структуре деятельности. Если установки вызываются мотивом деятельности, то они выражают в деятельности личностный смысл в виде готовности, тенденции к сохранению направленности деятельности в целом. Если установки обусловлены целями и операциями, то они выражают в деятельности то или иное значение. Нам представляется особенно важным подчеркнуть, что ни в коем случае не следует отрывать установку от выражаемого ею в деятельности содержания. Отрыв установки от выражаемого ею в деятельности содержания приводит к нивелированию своеобразия установок и является основной причиной того, что личностная установка, вероятностное прогнозирование, функциональная фиксированность, детерминирующая тенденция, ригид-

ность, квазипотребность, сенсорная установка и акцептор действия нередко расцениваются как синонимы. Готовность, лишенная выражаемого ею в деятельности содержания, точно так же пуста, как слово без значения, а слово без значения, как это отмечал Л. С. Выготский, иллюстрируя сущность метода анализа «по единицам», есть не слово, а звук пустой [9]. И точно так же, как звук без значения сливается со всеми остальными звуками в природе, готовность без содержания может слиться с многочисленными формами готовности к реагированию, проявляющимися в самых различных типах движения в виде тенденции к сохранению движения в определенном направлении. Только, если рассматривать «готовность без содержания», установка личности может оказаться в одном ряду с сенсорной установкой, так как все эти виды готовности действительно обладают набором общих характеристик, присущих любой форме готовности к реагированию, начиная от готовности нейрона и кончая готовностью личности (возбудимость, лабильность, динамичность, пластичность и т. д.). В связи с этим для изучения специфических особенностей разных форм установок существенное значение приобретает выделение их содержания. Соответственно объективным факторам в ситуации деятельности и тому содержанию, которое открывается при изучении деятельности в плане сознания, мы выделяем четыре уровня установочной регуляции: уровни смысловых, целевых и операциональных установок, а также уровень психофизиологических механизмов — реализаторов установки в деятельности.

Ведущим уровнем установочной регуляции деятельности является уровень смысловых установок. Смысловая установка актуализируется мотивом деятельности и представляет собой форму выражения личностного смысла в виде готовности к совершению определенной деятельности в целом. Она определяет устойчивый характер общей направленности и динамики протекания деятельности.

Пути исследования установки и смысла не раз пересекались в истории психологии. Еще А. Бинэ, пытаясь раскрыть сущность смысла, говорил о зачаточных действиях — attitudes, которые он проницательно охарактеризовал как «эскизы будущего действия» (см. [12]). На близость идеи Д. Н. Узнадзе об установке личности и А. Н. Леонтьева о личностном смысле не раз обращали внимание такие исследователи, как Ф. В. Бассин [7], А. В. Запорожец [11] и А. С. Прангишвили [17]. Таким образом, выдвигаемые нами представления о смысловой установке имеют свою предысторию. Основным аргументом, доказывающим необходимость выделения уровня смысловой установки, являются те эмпирические факты, которые демонстрируют вклад смысловой установки личности в регуляцию деятельности. Так, в исследовании А. Н. Леонтьева и А. В. Запорожца [14], посвященном восстановлению функции руки после ранения, были получены факты, опираясь на которые можно выделить основные особенности смысловой установки. Первая из этих особенностей состоит в том, что смысловая установка, «цементируя» общую направленность деятельности в целом, непосредственно проявляется в общей субъективной окраске входящих в состав деятельности различных действий. Какую бы задачу исследователи ни ставили перед больным, внутренне он был направлен не на сами действия, отвечающие поставленным перед ним задачам, а на щажение больной руки, т. е. общий характер различных выполняемых действий целиком определялся стойкой установкой щадить больную руку. Внешне смысловая установка выступала в позе больного, в различных лишних движениях и т. д.

Эти внешние проявления смысловой установки не всегда столь заметны, как в описываемом исследовании, но они всегда есть, всегда пронизывают деятельность человека в целом. Общаясь друг с другом, люди часто осознанно или неосознанно улавливают эти внешние проявления смысловой установки по позе, ошибочным действиям, обмолвкам и оговоркам. Но любые ли обмолвки относятся к внешним проявлениям смысловой установки? Нет, не любые.

Следует различать обмолвки как проявления операциональной установки и обмолвки как проявления смысловой установки. К операциональным обмолвкам относятся обмолвки, которые основаны на предвосхищении, опирающемся на предшествующий опыт и на внешнее сходство знаков. Типичным примером проявления операциональных обмолвок является случай, когда человек, читающий составленный из латинского алфавита текст, прочитывает слово «чепуха» как «*реникса*». Совсем иной характер имеют смысловые обмолвки. В них приоткрывается истинная смысловая установка личности и выражаемый ею в деятельности личностный смысл. Яркие примеры смысловых обмолвок приводит З. Фрейд [23], рассказывая, например, о председателе, который открывает не предвещающее ему ничего хорошего заседание словами «объявляю заседание закрытым» (вместо «открытым»). В подобных обмолвках, столкнувшись с противоположной тенденцией, на поверхность прорывается тенденция к сохранению общей направленности данной деятельности, приоткрывающая реальное значение тех или иных событий для личности.

Итак, смысловая установка личности внешне проявляется в позе, лишние движениях и смысловых обмолвках. Другая особенность смысловой установки, обнаруженная в исследовании А. Н. Леонтьева и А. В. Запорожца, заключается в том, что в большинстве случаев установка на щажение больной руки не осознавалась больными. Об этом красноречиво свидетельствует тот факт, что некоторые больные даже не в силах были вспомнить то, какой рукой они выполняли задание по оценке веса объектов. Еще одна очень важная особенность смысловых установок, выявленная в этом исследовании, состоит в том, что сдвиг смысловой установки всегда опосредован изменением деятельности субъекта. Содержание смысловых установок, конечно, может быть осознанно субъектом и предстать перед ним в форме «значения для меня», но одного осознания для изменения смысловых установок явно недостаточно. Авторы приводят примеры, иллюстрирующие всю тщетность попыток вроде уговоров и убеждений ввести больного с установкой на щажение больной руки в трудовой процесс. Только включение больного в новую, более значимую для него деятельность привело к изменению его смысловой установки. Однажды этот больной попал в бригаду, которая должна была быстро переправить материал для мастерских через реку. По ряду причин бригада, выполнявшая эту работу, столкнулась с серьезными препятствиями. В этой ситуации больной вдруг взял всю инициативу в свои руки и стал фактическим руководителем работы. Выяснилось, что часть своей жизни он жил и работал на реке. Об этой жизни больной рассказывал с особенным удовольствием. После случая на реке радикально изменилось отношение больного к работе. Установка на щажение больной руки была «сдвинута», и восстановление пошло быстрыми темпами. Сдвиг смысловой установки произошел из-за изменения места больного в системе общественной деятельности и соответственно из-за возникновения нового мотива.

Чтобы рельефнее очертить эту особенность смысловых установок,

прибегнем еще к одному примеру. Вообразите на мгновение, что вы, руководствуясь благими намерениями, пришли к Аккакию Аккакьевичу и объясняете ему, что не годится, мол, придавать столь огромное значение переписыванию каллиграфическим почерком холодных административных бумаг, видеть в этом деле смысл жизни. Маленький чиновник из гоголевской «Шинели» почти наверняка побоится не согласиться с вами и покорно кивнет головой, а, быть может, и подивится вашей правоте. Однако от одного лишь осознания содержания смысловой установки, от того, что эмоции — глаза, видящие смысл ситуации, — откроют этот смысл, не произойдет его изменения и сдвига смысловой установки. Будут меняться «отношения», в понимании В. Н. Мясищева, и выражающие их фиксированные социальные установки, будут возникать и сигнализировать о неблагополучии «значащие переживания» на поверхности сознания, а перемены смысловой установки и переосмысления личностного смысла не произойдет до тех пор, пока не изменится содержание реальных жизненных отношений, порождающих этот смысл. Из подобных примеров вытекает то, что необходимым условием изменения смысловых установок является включение субъектов в новую деятельность, приводящую к разрушению старых смысловых установок. В этом заключается кардинальное отличие смысловой установки и выражаемого ею в деятельности личностного смысла от таких субъективных образований, как «отношения» [16], «значащие переживания» [6], фиксированные социальные установки, справедливо сближаемые В. Я. Ядовым [24] с «отношениями» в концепции В. Н. Мясищева, которые могут измениться непосредственно под влиянием различных вербальных воздействий вроде уговоров и убеждений.

Описанную особенность смысловых установок необходимо учитывать при анализе такой практической и жизненно важной проблемы, как проблема воспитания личности. Психологическим объектом воспитания является смысловая сфера личности: система личностных смыслов и реализующих их в деятельности смысловых установок. Из подобного понимания психологического объекта воспитания вытекает, что перевоспитание личности всегда идет через изменение деятельности, а, тем самым, и через изменение смысловых установок, и не может осуществляться посредством воздействий чисто вербального характера. Только установки целевого и операционального уровней подвержены прямому влиянию различных инструкций. Пути изменения установок смыслового уровня и установок нижележащих уровней коренным образом отличаются друг от друга: смысловые установки личности перевоспитываются, а целевые и операциональные установки переучиваются.

Четвертая особенность смысловой установки отражает отношения смысловой установки личности к установкам нижележащих уровней. Смысловая установка выступает в роли фильтра по отношению к целевым и операциональным установкам: она блокирует проявления несоответствующих ей операциональных установок и актуализирует релевантные ей установки и стереотипы поведения. Так, например, в исследовании А. Н. Леонтьева и А. В. Запорожца [14] выработанные операциональные фиксированные установки не актуализировались и не приводили к возникновению иллюзии веса, если они вступали в конфликт со смысловой установкой. Из перечисленных особенностей смысловой установки основная — это «цементирование» общей направленности деятельности, придание всей деятельности устойчивого, стабильного характера.

Критерием для выделения следующего уровня установочной регуляции деятельности является цель действия. Целевая установка представляет собой готовность субъекта, вызванную предвосхищаемым осознаваемым результатом действия, и выполняет функцию стабилизации действия. В многочисленных экспериментальных исследованиях, в частности в работах Д. Бродбента [25], М. Эрделя [26], Р. Хейбера [28], О. Кюльпе [29], Е. Сипола [31] и И. А. Тоидзе [19], были получены факты, которые свидетельствуют о влиянии установок, вызванных инструкцией, на избирательность психических процессов. Однако при выделении целевой установки в качестве относительно самостоятельного момента регуляции действия возникают некоторые трудности, прежде всего связанные с тем, что в тех случаях, когда протекание действия не встречает на своем пути никаких препятствий, стабилизирующая функция установки никак феноменально не проявляет себя. Отсутствие в условиях нормального функционирования действия феноменальных признаков целевой установки и опознание целевой установки исключительно по ее конечному эффекту — избирательности психических процессов — часто приводят либо к полному игнорированию установочного момента действия, либо к отождествлению между собой цели и вызываемой этой целью установки. Поэтому вывод о существовании целевой установки как момента стабилизации действия опирается прежде всего на факты проявления целевой установки в относительной независимости действия от цели. Эти факты проявляются в тех случаях, когда нормальное протекание действия нарушается и на его пути возникают те или иные препятствия типа неопределенности предъявляемой стимуляции или резкого изменения действия. Выпадая при резком нарушении действия или изменении ситуации из общей системы активных целенаправленных действий, целевая установка начинает выступать в своем собственном движении, проявляясь в виде описанных А. Р. Лурия [15] системных perseverаций — повторений всего действия в целом вследствие инертности раз возникшей программы — и в тенденциях к завершению прерванного действия (феномен Зейгарник). Подобные проявления целевой установки наглядно подтверждают факт существования тенденции к сохранению действия в определенном направлении как самостоятельного момента действия.

Нижележащим уровнем установочной регуляции деятельности является уровень операциональных установок. Под операциональной установкой понимается готовность к осуществлению определенного способа действия, которая возникает в ситуации разрешения задачи на основе учета условий наличествующей ситуации и предвосхищения этих условий, опирающегося на прошлый опыт поведения в подобных ситуациях. Конкретное выражение способа осуществления действия зависит от того значения, которое объективировано в предвосхищаемом условии. Говоря о «значении» условий ситуации, мы имеем в виду представление А. Н. Леонтьева о том, что эти условия несут в себе внешние схемы поведения: общественно выработанные способы осуществления деятельности, а также предметные и социальные нормы. В экспериментальной психологии тот фундаментальный факт, что значения, кристаллизованные в объектах общественной деятельности, как бы «требуют» совершить то или иное действие, актуализируют готовность к осуществлению фиксированного за этим предметом способа действия, нашел свое отражение в представлениях К. Дункера о функциональной фиксированности [10]. Именно в значениях содержатся те готовые формулы, «образы» способов действия,

о которых писал Д. Н. Узнадзе [20] и которые передаются из поколения в поколение, не позволяя распасться «связи времени». Эти значения, будучи представлены в образе предвосхищаемого условия ситуации, определяют конкретное выражение способа осуществления действия. В случае совпадения образа предвосхищаемого условия с фактически наступившим условием разрешения данной задачи операциональная установка приводит к осуществлению адекватной операции, посредством которой может быть достигнута цель действия. В повседневной жизни операциональные установки проявляются в привычных, стандартных ситуациях, определяя работу «привычного», по выражению Д. Н. Узнадзе, плана поведения. После того как человек многократно выполнял один и тот же акт в определенных условиях, у него при повторении этих условий не возникает новая установка, а актуализируется уже ранее выработанная установка на эти условия [21]. Воспользуемся образным примером П. Фресса [27], чтобы проиллюстрировать эту мысль: контролер на станции метро после многократного предъявления билетов ожидает увидеть вновь билет, а не стакан с аперитивом, т. е. при встрече с пассажиром у него каждый раз на основе прошлых воздействий актуализируется готовность действовать именно по отношению к билету. Не покидая станции метро, вы можете увидеть и второе, несколько отличное от ситуации с контролером, проявление операциональной установки. Стоит движущейся вниз лестнице эскалатора, на которой вы стоите, остановиться, и у вас возникнет на какое-то мгновение отчетливое впечатление движения лестницы вверх. «Движение появляется в результате специфической установки, связанной с вашим прошлым опытом в отношении эскалатора», — отмечает К. Прибрам, приводя подобный пример в качестве иллюстрации действия тестирующего механизма в схеме Т-О-Т-Е [18, с. 110]. В экспериментальной психологии накоплено немало фактов проявления операциональной установки. В частности, фиксированные установки, выработанные посредством классического метода «фиксации установки» Д. Н. Узнадзе, по своему деятельностному рангу относятся именно к уровню операциональных установок, так как они соотносятся с условиями протекания действия. Операциональные установки проявляются в хорошо известных феноменах установочных иллюзий, в ошибках «ожидания» и «привыкания», сыгравших немалую роль в истории психофизики [4], в феномене «функциональной фиксированности» [10]. К операциональным установкам также относятся стереотипные установки — готовность к переносу ранее выработанных способов действия на новые задачи, тщательно исследованная А. Лачинсом [30].

Для объяснения психофизиологических механизмов — реализаторов установки в деятельности, таких ее физиологических проявлений как сенсорные и моторные установки — могут быть привлечены представления об оперативном покое и доминанте (А. А. Ухтомский), образе потребного будущего (Н. А. Бернштейн), акцепторе действия (П. К. Анохин), нервной модели стимула (Е. Н. Соколов). Выделение уровня психофизиологических механизмов — реализаторов установки — позволяет понять причины, побуждающие некоторых представителей школы Д. Н. Узнадзе [см. 8] осуществлять сведение установки к физиологическим механизмам, например, к динамическому стереотипу или к акцептору действия. За кажущейся возможностью сведения установки к тем или иным физиологическим механизмам кроется нечто иное: возможность и даже необходимость ис-

следования установочных явлений на уровне нейрофизиологических механизмов, которые их реализуют.

Выделенные уровни смысловых, целевых и операциональных установок ни в коем случае не следует представлять как этажи, механически надстроенные друг над другом. Точно так же, как деятельность при определенных условиях может превратиться в действие, а действие — в операцию, смысловая установка может понизиться в ранге и взять на себя функцию целевой установки, а целевая установка — перейти на уровень операциональных установок.

Изложенное здесь позволяет очертить лишь самые общие контуры представлений об иерархической уровневой природе установок как механизма стабилизации деятельности. Эти представления приводят к возникновению целого ряда вопросов. К их числу относятся поставленные А. В. Запорожцем и Ш. А. Надирашвили вопросы о необходимости выделения иерархии смысловых установок личности и о связи установок с эмоциональной регуляцией деятельности, о соотношении смысловых, целевых и операциональных установок с социальными установками. Подобные проблемы и определяют дальнейшую судьбу представлений об уровнях установок.

Выводы

1. Исследование места и функции установочных явлений в структуре деятельности позволило разработать представления об иерархической уровневой природе установки как механизма стабилизации деятельности. В соответствии с основными единицами деятельности выделяются установки смыслового, целевого, операционального уровней и уровня психофизиологических реализаторов установки.

2. Установки каждого уровня обладают рядом характерных особенностей. Смысловые установки, выражающие в деятельности личностный смысл, придают устойчивый характер деятельности в целом и феноменально проявляются в ее субъективной окрашенности, позе, лишних движениях и смысловых обмолвках. Изменение смысловых установок всегда опосредовано изменением деятельности субъекта. Целевые установки определяют устойчивость действия и проявляются в тенденциях к завершению прерванных действий (феномен Зейгарник) и системных персеверациях. Операциональные установки жестко определяют развертывание способов осуществления действия, проявляясь в установочных иллюзиях восприятия, ошибках «ожидания» и «привыкания», в феноменах «привычной направленности» и «функциональной фиксированности» при решении мыслительных задач.

3. Установочные явления различных уровней стабилизируют движение деятельности, позволяя, несмотря на разнообразные сбивающие воздействия, сохранять ее направленность, удерживать деятельность в наперед заданных границах; и они же выступают как консервативные моменты деятельности, «барьеры внутри нас», затрудняя приспособление к новым ситуациям и феноменально проявляясь при столкновениях развертывающейся деятельности с препятствием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмолов А. Г. О месте установки в структуре деятельности. Автореф. канд. дис. М., 1976.
2. Асмолов А. Г. Проблема установки в необихевиоризме: прошлое и настоящее. — В сб.: Вероятностное прогнозирование в деятельности человека. М., 1977.

3. Асмолов А. Г., Ковальчук М. А. К проблеме установки в общей и социальной психологии. — «Вопросы психологии», 1975, № 4.
4. Асмолов А. Г., Михалева М. Б. От психофизики «чистых ощущений» к психофизике «сенсорных задач». — В сб.: Проблемы и методы психофизики. Изд-во МГУ, 1974.
5. Асмолов А. Г., Петровский В. А. О динамической парадигме исследования психологии деятельности. — Личность и деятельность. Тезисы 5-го Всесоюзного съезда психологов. М., 1977.
6. Бассин Ф. В. К развитию проблемы значения и смысла. — «Вопросы психологии», 1973, № 6.
7. Бассин Ф. В., Рожнов В. Е. О современном подходе к проблеме неосознаваемой психической деятельности (бессознательного). — «Вопросы философии», 1975, № 10.
8. Бжалава И. Т. Психология установки и кибернетика. М., 1966.
9. Выготский Л. С. Избранные психологические исследования. М., 1956.
10. Дункер К. Психология продуктивного мышления. — В сб.: Психология мышления. М., 1965.
11. Запорожец А. В. Развитие произвольных движений. М., 1960.
12. Ланге Н. Н. Психология. М., 1914.
13. Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. М., 1975.
14. Леонтьев А. Н., Запорожец А. В. Восстановление движений. М., 1945.
15. Лурья А. Р. Нарушение установки и действия при мозговых поражениях. — В сб.: Психология. К 35-летию научной деятельности Д. Н. Узнадзе. Тбилиси, 1945.
16. Мясищев В. Н. О связи проблем психологии отношения и психологии установки. — В сб.: Понятие установки и отношения в медицинской психологии. Тбилиси, 1970.
17. Прангишвили А. С. Психологические очерки. Тбилиси, 1975.
18. Прибрам К. Языки мозга. М., 1975.
19. Тондзе И. А. Опыт экспериментального изучения первичной установки. Канд. дис. М., 1974.
20. Узнадзе Д. Н. Основные положения теории установки. — В кн.: Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси, 1961.
21. Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. М., 1966.
22. Ухтомский А. А. Письма. — «Новый мир», 1973, № 1.
23. Фрейд З. Психопатология обыденной жизни. М., 1925.
24. Ядов В. А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности. — В сб.: Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975.
25. Broadbent D. E. Stimulus set and response set: Two kinds of selective attention. — In: Attention: Contemporary theory and analysis. N. Y., 1970.
26. Erdeli M. H. A new look at the New Look: Perceptual defence and vigilance. — «Psychol. Rev.», 1974, vol. 81, N 1.
27. Fraisse P. Le role des attitudes dans la perception. — In: Les attitude. Paris, 1961.
28. Haber R. W. Nature of the effect of set on perception. — «Psychol. Rev.», 1966, vol. 73, N 4.
29. Külpe O. Versuche über Abstraction. — «Ber. J. Kongr. Exp. Psychol.», 1904.
30. Luchins A. S. Mechanisation in problem solving. — «Psychol. Monogr.», 1942, vol. 54.
31. Siipola E. M. A group study of some effect of preparatory set. — «Psychol. Monogr.», 1935, vol. 46.

A. G. Asmolov

INTENTIONAL ACTIVITY AND LEVELS OF ATTITUDES

The idea that the hierarchical structure of attitudes is a mechanism of stabilization of intentional activity is elaborated in the paper. Attitudes of different levels stabilize the activity and constitute therefore its rigid component. Following A. N. Leontiev's classification of intentional activity units (specific intentional activity, goal activity, operation), the author suggests the following levels of attitudes: individually-meaningful attitudes, goal attitudes, operation attitudes, and their psychophysiological counterparts. It is emphasized that the personality's most fundamental element — individually-meaningful attitudes — can change only as a result of changes in the intentional activity itself.